

049

ЦЕНТРПОЛИГРАФ

HARLEQUIN®

АДРИЕННА ДЖОРДАНО
НЕУДЕРЖИМОЕ
ВЛЕЧЕНИЕ

— ИНТРИГА —

Л Ю Б О В Н Ы Й   Р О М А Н

Адриенна Джордано
Неудержимое влечение
Серия «Интрига – Harlequin», книга 49

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26922116
Неудержимое влечение: Центрполиграф; Москва; 2017
ISBN 978-5-227-07715-8

Аннотация

На благотворительном вечере в Чикаго молодая художница Аманда Леблан знакомится с уважаемой в городе семьей Хеннингс. Для новой квартиры их старшего сына Дэвида она берется подобрать картины. Здесь же, за ужином, детектив Маккол просит Аманду воссоздать по черепу лицо жертвы нераскрытого убийства, ведь подобной работой занималась мать Аманды. После того как Аманда соглашается помочь полиции, а Дэвид безоглядно влюбляется в нее, в жизни девушки начинаются перемены, далеко не всегда приятные: опечатан ее дом, счета заморожены, похищен слепок с черепа, уничтожены ее картины. Аманда и Дэвид понимают – за всем этим стоит преступник.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Адриенна Джордано

Неудержимое влечение

Все права на издание защищены, включая право воспроизведения полностью или частично в любой форме. Это издание опубликовано с разрешения Harlequin Books S. A.

Товарные знаки Harlequin и Diamond принадлежат Harlequin Enterprises limited или его корпоративным аффилированным членам и могут быть использованы только на основании сублицензионного соглашения.

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

The Rebel

Copyright © 2015 by Adrienne Giordano

© «Центрполиграф», 2017

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2017

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя.

Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

* * *

Глава 1

– Вперед, мальчик! Еще совсем немножко – и домой.

Ларри Маккол, выдавший виды детектив из отдела убийств, свистнул, подзывая Генри, черного лабрадора. Пока Генри деловито разнюхивал тропку, Ларри неспешно двигался по большому огороженному пустырю на юго-западной окраине Чикаго.

Рассчитывая, что Генри трусит рядом, Ларри посмотрел налево, где всегда находился пес. Генри не было. С каких пор он стал нарушителем дисциплины? Оглянувшись, Ларри увидел, что Генри так и сидит над тем местом, которое он обнюхивал минуту назад. Только теперь пес сосредоточенно рыл лапами землю.

– Брось это! – почти прорычал Ларри, изображая альфа-самца.

К сожалению, у Генри тоже имелись задатки альфа-самца, поэтому пес продолжал рыть землю. Ларри вздохнул. Придется взять его на поводок и утащить домой, не дав выкопать из земли дохлую белку.

Несколько лет назад городские власти снесли здесь три муниципальных многоквартирных жилых дома: окрестности пользовались дурной славой. Здесь торговали наркотиками и процветала преступность. Остался огороженный пустырь, как будто нарочно созданный для прогулок с собаками.

ми. Загвоздка в том, что в земле на пустыре могло оказаться что угодно – как трупы грызунов, так и, например, иглы или пакетики с кокаином. Иглы... Ларри выругался и бросился к псу.

– Генри, что бы ты ни нашел, это брать нельзя. Фу!

Он пристегнул к ошейнику поводок, осторожно дернул, но пес истошно залаял. В чем дело?! Неужели его всегда жизнерадостный пес стал шизофреником?

– В чем дело, мальчик?

Ларри нагнулся, чтобы оттащить Генри от вырытой им ямки, и увидел, что в земле что-то белеет.

Он привязал по-прежнему лающего Генри к дереву, чтобы не мешал, вернулся к ямке и сел на корточки. С помощью носового платка, который он всегда носил с собой на всякий случай, чтобы не пачкать рук, – да, он старомоден, ну и что? – он осторожно отгреб в сторону слой влажной земли. Постучал по тому, что под ней белело. Твердое. Как камень. Внутри у Ларри все сжалось, как всегда перед тяжелой работой. Или когда он оказывался на месте преступления.

Подумав немного, Ларри решил все же посмотреть, что там. Возможно, годы работы сыграли свою роль, и он преувеличивает? В конце концов, в земле может оказаться старый ночной горшок. Он представил, как коллеги поднимут его на смех, если окажется, что он дернул их из-за старой посуды...

Будь что будет!

Ларри осторожно расчистил землю вокруг находки. Предмет оказался округлым; палец детектива, обмотанный платком, провалился в какое-то углубление. Ларри ощупал находку и понял, что самые худшие подозрения подтвердились. Дыхание у него участилось.

Удружил ему пес, нечего сказать!

Он осторожно расчистил землю вокруг находки. Палец снова провалился в углубление, и Ларри чертыхнулся.

Он только что сунул палец в пустую глазницу.

Глава 2

Пять лет спустя

На благотворительном ужине в легендарном отеле «Дрейк» присутствовали четыреста гостей. Аманда смотрела на большой экран, куда спроецировали фотографию погибшего пожарного, и досадливо морщила нос.

М-да... Очень неудобно получилось. Любой художник, даже новичок, а скульптор – тем более, непременно заметит, что на фото ноздри мужчины слегка расширены. Она перевела взгляд на свой бюст, изваянный в дар вдове лейтенанта Бена Брауарда, погибшего три месяца назад после того, как убежал в горящее здание, чтобы спасти ребенка.

Подарок Аманды его вдове и детям не был пустяком. По крайней мере, так считала Аманда. Неужели и на той фотографии, которую ей дали перед началом работы, ноздри тоже слегка расширены? Когда она приедет домой, надо непременно зайти в студию и все проверить. Просто для того, чтобы успокоиться.

Проклятие!

Сев на стул, она вздохнула и посмотрела на Лекси, свою подругу, которая и пригласила ее на прием и познакомила с Памелой Хеннингс и Айрин Дайс, женой известного политика. Обе дамы активно занимались благотворительностью и были очень богаты. Мысль подарить бюст семье погибше-

го посетила Аманду после того, как она увидела интервью с женой и детьми лейтенанта Брауарда. Конечно, никто не в состоянии вернуть им мужа и отца, но, может быть, бюст принесет им хоть какое-то облегчение?

– Дорогая моя, сходство поразительное! – Миссис Хеннингс склонилась к ней, стараясь заглушить гул голосов и звон посуды.

– Да-да, – подхватила Айрин Дайс, сидевшая по другую руку от Памелы Хеннингс. – Аманда, вы просто молодец.

– Спасибо.

Разглядев, как ей показалось, свою ошибку, Аманда уже не верила в искренность хозяек вечера. И все же похвалила миссис Хеннингс, супруги самого блестящего чикагского адвоката, женщины, которая славилась своим безупречным вкусом, дорогого стоила. Аманда, как всегда, приняла комплимент с милой улыбкой. Лестные слова ненадолго заглушили ее сомнения.

В течение всего вечера она косилась на скульптуру. Интересно, заметила ли вдова? Будет ли она досадовать всякий раз, как посмотрит на бюст мужа? Ну уж нет, она не допустит, чтобы нос так и оставался испорченным. Надо будет все переделать, вот что! Она выкроит время и исправит свою оплошность...

Решено. Она покончит с делом и пойдет дальше.

– Добрый вечер, мисс Леблан.

Она повернула голову. К ней подходил высокий, широко-

плечий мужчина под шестьдесят.

– Здравствуйте.

– Я детектив Ларри Маккол. Полицейское управление Чикаго. Отдел убийств. – Он показал на свободный стул рядом с ней. – Разрешите присесть?

Ну и ну! В чем дело?

Она протянула руку:

– Конечно!

За этим же столом сидела Лекси со своим другом Броди, тоже служившим в отделе убийств полиции Чикаго, а также братом частного детектива из фирмы «Хеннингс и Соломон». Судя по всему, у клана Хеннингсов связи почти со всеми в их городе.

– Привет, малыш! – поздоровался детектив Маккол, кивая Броди.

Детектив Маккол грузно опустился на стоящий рядом с ней стул.

– Мне нравится ваш бюст.

Аманда прикусила губу, стараясь не расхохотаться. Детектив посмотрел на нее, как ей показалось, в недоумении. Потом он хлопнул себя ладонью по лбу и рассмеялся. Ларри Маккол ей сразу понравился: он умел смеяться над собой и находить смешное в неловких ситуациях.

– Прошу прощения, – сказал Ларри. – Такого неотесанного чурбана, как я, нельзя посылать в высшее общество. Я только ставлю себя в дурацкое положение.

Лицо у него было обветренное и грубоватое, как у детективов из старого сериала «Полиция Нью-Йорка», который Аманда любила смотреть в повторе.

– Вам повезло, – ответила она, – я не обидчивая. Хуже того, я сразу поняла, что вы имели в виду мою скульптуру, а не мой... – она опустила голову и покрутила рукой перед грудью, – ну, вы понимаете.

– Вот именно, скульптуру. Да! Она великолепна! Я ведь лично знал Бена. Хороший был парень... – Он покачал головой и взмахнул рукой. – Ладно, не важно. Главное, вы очень точно его изобразили. Сходство прямо пугающее.

Хм... Аманде не первый раз приходилось беседовать с детективами; ей показалось, что она знает, о чем пойдет речь. Жаль, конечно, но придется испортить детективу Макколу вечер.

– У меня было несколько фотографий, снятых с разных ракурсов. По ним я и работала.

– Да, наверное, фотографии помогают. Кстати, вы никогда не занимались криминалистикой?

Вот оно!

Как она и подозревала, детективу понадобилась ее помощь в каком-то деле. Возможно, он хотел, чтобы она обработала фото пропавшего ребенка в программе имитации старения или нарисовала фоторобот по описанию свидетеля. Из-за недостатка финансирования полицейское управление не может себе позволить штатного художника; приходится

нанимать людей со стороны.

Так или иначе, придется ему отказать.

– Извините, детектив. Я действительно интересовалась криминалистикой и даже думала записаться на специальные курсы, но поняла, что такая работа не для меня.

Маккол, проигнорировав ее отказ, склонился к ней:

– Есть у меня одно дело...

«Есть у него одно дело». В детстве она много раз слышала те же слова от матери, которая подрабатывала художником-криминалистом. Аманда подняла вверх руки:

– Я бы с радостью помогла вам, но, боюсь, я не обладаю нужными знаниями и нужным опытом. Я скорее не помогу вам, а все испорчу.

– Нет, что вы! Поверьте мне. Речь идет о старом нераскрытом деле. С тех пор прошло уже пять лет. У нас нет никаких зацепок, кроме черепа и нескольких волосков, обнаруженных в земле рядом с ним. Больше от нее ничего не осталось.

– От нее?

– Судмедэксперт считает, что череп женский. Ей было от восемнадцати до двадцати трех лет. А череп нашел я. Не знаю, кто была та девушка, но я попросил, чтобы ее дело поручили мне.

– Вы молодец, детектив. Правда.

Маккол пожал плечами:

– У нас есть эскиз, который нарисовала художница из

управления, но я в нем не уверен. Может быть, она в чем-то ошиблась. В конце концов, погибшую не искали, никто не заявлял о пропавшей без вести. Поэтому у нас нет образцов ДНК. Я сам отец, и мне делается тошно при мысли, что она... – Маккол провел рукой по редющим седым волосам, оглядывая зал и гостей. Часть из них уже направилась к выходу. – Я посмотрел на бюст Бена, который вы подарили его семье, и вдруг меня осенило. Возможно, именно вы сумеете нас выручить!

Аманда бросила умоляющий взгляд на Лекси. Но ей не повезло, потому что подруга как раз шептала что-то на ухо Броди. Судя по выражению его лица, ему нравилось то, что он слышал. Аманде невольно стало завидно. Иногда ей недоставало такой вот близости; недоставало нормальных прочных отношений. Случайные знакомства и редкие свидания такого не давали.

Она посмотрела направо. Хозяйки вечера, миссис Хеннингс и миссис Дайс, были поглощены разговором о следующем благотворительном ужине, так что и они ее не выручат. Придется защищаться в одиночку. Не обидеть детектива, но недвусмысленно дать ему понять, что она не в состоянии ему помочь. Как он ей ни нравится, она не хочет – и не может – рисковать. Маккол не сводил с нее взгляда.

– Детектив, простите меня, пожалуйста. Такими вещами я не занимаюсь. У меня нет никакого опыта в подобной реконструкции. Если хотите, я поспрашиваю знакомых; может,

кто-то из моих коллег заинтересуется вашим предложением.

Маккол какое-то время, очевидно, оценивал степень ее решимости. Наверное, до него все-таки кое-что дошло, потому что он кивнул:

– Буду очень вам признателен. Спасибо. Хочу вернуть ей имя.

От его слов у Аманды словно прожгло желудок. Десять лет назад ее мать наверняка ухватилась бы за такое предложение.

Но за десять лет многое изменилось.

Краем глаза она заметила движение справа. Миссис Хеннингс положила на стол салфетку.

– К сожалению, мне уже давно пора ложиться. – Она тронула миссис Дайс за плечо. – Я позвоню тебе утром, и мы выберем подходящий день для ужина. – Миссис Хеннингс кивнула Лекси. – А Дэвиду я напомню, чтобы позвонил вам и договорился о встрече. Ему очень нужна помощь с отделкой новой квартиры. Только не говорите ему, что все придумала я.

Лекси рассмеялась:

– Никому не выдам вашу тайну! Спасибо! Жду не дожусь, когда начну у него работать.

Миссис Хеннингс повернулась к Аманде. Ее ярко-голубые глаза как будто видели ее насквозь.

– Мой старший сын только что вернулся из Бостона. Лекси поможет ему отделать и обставить его новую квартиру. Мне

бы хотелось, чтобы он взглянул на ваши работы. Он здесь все начинает с нуля. – Губы Памелы Хеннингс сложились в снисходительную улыбку, свойственную только матерям. – Нравится ему это или нет, он все начинает с нуля.

Судя по тому, что Аманда слышала от Лекси, когда миссис Хеннингс о чем-то просит, отказов она не признает. Да и ссориться с такой особой по меньшей мере недальновидно. Если говорить о высшем обществе Чикаго, миссис Хеннингс могла бы быть его президентом.

– Конечно, – улыбнулась Аманда. – С радостью покажу ему свои работы. Нам с Лекси уже доводилось сотрудничать. Пожалуйста, передайте сыну, что он может заехать ко мне в студию и взглянуть на мои картины. Если он захочет, можно будет договориться и о скульптуре.

– Чудесно! – воскликнула миссис Хеннингс, пожимая Аманде руку. – Я передам ему, чтобы он как можно скорее позвонил вам.

– Сейчас же прекрати, Дэвид! – сказала Памела. – Я знаю, когда ты захочешь, то можешь быть самым очарованием.

Дэвид Хеннингс сидел на кухне в доме родителей, держа в руке кружку с дымящимся кофе, и смотрел на мать, пожалуй, самую влиятельную женщину в городе. С ней регулярно советовалась даже недавно избранная мэр. Наверное, мама вполне способна повести за собой массы. Но при этом она остается его матерью и нуждается в том, чтобы иногда ей го-

ворили «нет».

Иначе она подомнет его под себя, чего он ни в коем случае не собирается допустить.

Да, он все прекрасно понимал. Как ему ни нравились их всегдашние пикировки, ему не хотелось слышать об очередной маминой интриге. Особенно утром в понедельник, когда у него список дел длиной с милю, в том числе встреча с подрядчиком, который займется внутренней отделкой его новой квартиры. Да, целых две недели он живет в родительском доме – даже ему хватает такта не селиться в отеле, – и все же необходимо как можно скорее привести квартиру в порядок и переехать туда.

– Ты уже обсудила все с папой?

– Конечно.

Ложь! Дэвид посмотрел на мать в упор.

– Точнее, упомянула. Вскользь.

– Так я и думал! – фыркнул Дэвид.

После вчерашнего благотворительного вечера, на котором собирали средства в помощь пожарным, его мать вбила себе в голову, что отцовская фирма «Хеннингс и Соломон» примет участие в расследовании одного старого дела. Скорее всего, убийства. Так или иначе, Дэвид пока не понимал, чего мама хочет от него. О деле ей было известно только то, что она подслушала за столом: какой-то детектив выкопал череп и попросил девушку-скульптора воссоздать по черепу лицо жертвы.

Вот и все.

Сама по себе реконструкция – нелегкая задача, если девушка-скульптор, о которой идет речь, незнакома с криминалистикой. И вообще неизвестно, справится ли она с задачей.

Пусть Дэвид и не адвокат по уголовным делам, как его отец, братья и сестра, но уж в криминалистике-то разбирается.

Мама скрестила руки на груди и подалась вперед:

– Мы можем помочь! Я знаю!

Много лет назад они с мамой были союзниками. Если Дэвиду требовалась защита, он, в отличие от брата и сестры, всегда обращался к маме. Он не только очень любил, но и уважал ее. Что бы ни случилось. Даже когда он растоптал мечту отца о том, что старший сын пойдет по его стопам и станет партнером его фирмы.

Дэвид допил остатки кофе, в такие минуты кофеин не повредит.

– Ладно, – сказал он. – Надеюсь, ты помнишь, что я не специализируюсь на уголовных делах. А если учесть, что я даже не работаю в фирме «Хеннингс и Соломон», по-моему, я не лучшим образом подхожу для такого задания.

– Твой отец сказал, что Дженна и другой детектив, Майк – вечно забываю его фамилию, – сейчас очень заняты. А ты сам жаловался на скуку. Поскольку ты выходишь на новую работу лишь через несколько недель, займись пока моей

просьбой. Точнее, мы вместе ею займемся.

Дэвид понял, что мама загнала его в угол. Надо было заранее догадаться, что у нее припасены козыри в рукаве. Так похоже на маму использовать его же слова против него! В самом деле, позавчера он жаловался, что ремонт в его новом офисе затягивается. Знай он, что его ждет, он бы пробыл в Бостоне еще две недели, прежде чем возвращаться домой и открывать свою фирму.

– Но сегодня утром я встречаюсь с подрядчиком!

– Кстати, как только ты с ним побеседуешь, позвони Лекси. Замечательный дизайнер по интерьерам! Я специально договорилась, что она будет у тебя работать. Видишь ли, Дэвид, здесь ты не можешь жить так, как ты жил в Бостоне – с разрозненной мебелью и без занавесок на окнах. Ты уже взрослый, а живешь как мальчишка-подросток. Кроме того, жених Лекси знаком с тем вчерашним детективом. Когда будешь разговаривать с Лекси, выясни, как его зовут. Он тебе поможет. Мы и Айрин Дайс подключим. – Мама повела рукой. – Вчера она тоже была на приеме и подслушивала разговор. Скоро я приглашу Дайсов к нам на ужин. Заодно обсудим и то старое дело. Дайсы знакомы с половиной города. С их поддержкой у нас все получится!

Дэвид наклонил голову и ущипнул себя за переносицу. Пора бы ему уже привыкнуть к маминым планам и интригам, которые приводят собеседников в замешательство и вынуждают согласиться со всем, что она предложит.

– Чего конкретно ты от меня хочешь?

Памела Хеннингс положила на стол визитную карточку.

– Поговори с художницей. Вчера я взяла ее визитку. Сказала, что ты собираешься въехать в новую квартиру и, возможно, захочешь купить у нее пару картин.

– Серьезно? Ты ее обманываешь? Интересно, во сколько мне это обойдется?

– Дэвид Джереми Хеннингс, помолчи! Мне нужен был предлог для того, чтобы еще раз связаться с ней. И вовсе я никого не обманываю! Ты в самом деле можешь заказать ей картину... или, скажем, скульптуру. И все останутся довольны.

Если он в конце концов вынужден будет что-нибудь купить, пусть мама платит. Он со вздохом взял карточку. Аманда Леблан. Славное имя. Хорошее, добротное.

– Зачем мне нужно говорить с ней?

– Она отказала детективу в помощи. Но мне показалось, что его предложение ее заинтересовало. Возможно, ее достаточно лишь подтолкнуть. А ты, мой дорогой, прекрасно умеешь подталкивать.

Дэвид засмеялся:

– Мама, пожалуйста, не утруждай себя комплиментами. От твоих слов у меня, чего доброго, голова закружится!

– Прекрати язвить! Я не шучу, ты ведь у нас самый умный. Ты обожаешь историю, любишь наводить справки, рыться в архивах. Прежде чем приходишь к тому или иному выводу,

тебе нужно перелопатить гору информации. Такое дело как раз для тебя.

– Я не детектив.

– Тебе и не нужно быть детективом. Тебе не придется ничего расследовать. Твоя задача – дать делу толчок. Ты только вспомни, сколько у нас помощников! Расс – агент ФБР. Уверена, он тоже не откажется помочь.

Только этого не хватало! Мама собирается втянуть в дело и приятеля сестры! Учитывая их натянутые отношения с Пенни – точнее, они доводили друг друга до бешенства – вряд ли ему удастся заручиться помощью Рассы.

Мама же все больше воодушевлялась. Она села на стул рядом с ним. «Все кончено!» – подумал Дэвид. Если уж мама что задумала, переубедить ее невозможно.

– Дэвид, прислушайся ко мне, пожалуйста. Ты приехал в Чикаго, чтобы вернуться в лоно семьи.

– Мама...

– Если ты в самом деле хочешь вернуться в семью, тебе придется принимать участие в милых семейных разговорах за ужином, а они у нас чаще всего посвящены уголовным делам. Вот тебе прекрасный способ поучаствовать. Отдел фирмы, который занимается так называемыми «висяками», раскрыл два убийства. Два, Дэвид! Знаешь, сколько вечеров мне пришлось выслушивать, как твой отец, Зак и Пенни говорят об этих делах? – Памела помолчала. – Откровенно говоря, и я этого хочу. Ведь я тоже смогу обсуждать дело, что мне по

душе. Наконец-то я тоже получу важную роль!

«Оскар» получает... Памела Хеннингс!»

– Ну что ты! Твоя роль в семье всегда была важнейшей. Отец тебя ужасно боится. Все это знают.

– Все знают, что я его жена... да, у нас крепкая семья, но, Дэвид, я никогда в жизни не работала по-настоящему. Благотворительная деятельность, клубы – все это только в помощь отцу. Но сейчас у меня появилась возможность помочь в важном деле, восстановить справедливость, и не потому, что от меня чего-то ждут. Так что встряхнись и сделай то, что я тебя прошу, ради меня.

Игра окончена. Мама знала: ей он отказывает редко. Дэвид покачал головой. Как у нее всегда получается? Он вспомнил их разговор и неожиданно расхохотался.

– Что смешного я сказала?

Он встал и поцеловал мать в щеку.

– Ничего. Ты замечательная. Только что применила искусное манипулирование и заставила меня сделать, как ты хочешь. А я тебе позволил. Так и быть, поговорю с твоей художницей. Но на этом все. Я не детектив и не собираюсь им становиться. Мне нужно открывать свою практику.

Мама встала и подняла вверх оба указательных пальца:

– Вот и хорошо. По крайней мере, уговори ее сделать реконструкцию. Как только ты ее убедишь, я возьму дело в свои руки.

– Не сомневаюсь, мама. Конечно, возьмешь!

– И кстати, ужин сегодня в половине восьмого. Будут Зак, Эмма, Расс и Пенни.

Мама окинула его одежду выразительным взглядом. Дэвид знал, что она терпеть не может джинсы и ботинки фирмы «Левис», но ему уже не пять лет, когда она его одевала.

– Мама, не начинай!

– Тут и начинать нечего. Я вижу, во что ты одет, и вижу, как ты зарос...

«Как ты зарос...» Она говорит так, словно у него борода как у бомжа, а не короткая, ухоженная бородка. Дэвид снял со спинки стула любимую кожаную куртку с вышивкой на плечах, и мама поджала губы.

– Мама, эта куртка стоит две тысячи долларов. А мой смокинг, к сожалению, в химчистке!

Глава 3

Солнце поднялось выше, и теперь свет попадал в студию Аманды под углом, а не прямо. Она отступила от бюста на шаг. Она уже два часа возилась с глиняной моделью бюста генерального директора фирмы – производителя мобильных телефонов, но передать сходство никак не удавалось. Хуже того, она не могла понять, в чем дело.

Свет, свет и еще раз свет помогал ей сосредоточиться во время иногда нудных часов, проводимых перед скульптурой. Тени перемещались. Время ускользает между пальцами! Она посмотрела на часы. Половина двенадцатого. Она проработала шесть часов.

Зазвонил телефон. Его верещание в тихой студии очень раздражало. Обычно Аманда не подходила к телефону, пока не заканчивала с дневной работой, но теперь она решила, что можно сделать перерыв. Она подошла к столику в углу и надела на голову наушники.

– Доброе утро, говорит Аманда.

– Доброе утро, Аманда. Меня зовут Дэвид Хеннингс. Вчера на благотворительном вечере вы познакомились с моей матерью.

«О-о-о, какой голос!» Сердце у Аманды екнуло. Низкий, бархатистый голос незнакомца как будто заполнял ее целиком. Правда, при ее «везении» владелец голоса, скорее все-

го, окажется на голову ниже нее. Кроме того, он наверняка маменькин сынок...

– Здравствуйте, мистер Хеннингс. Да, я действительно вчера познакомилась с вашей матерью. Очень приятная собеседница.

Непонятно почему он расхохотался; его смех оказался таким же красивым, как и голос.

– Это уж точно, – сказал он. – Она говорила, что в беседе с вами обмолвилась о моем скором переезде на новую квартиру.

Судя по голосу, он не должен казаться коротышкой. И маменькиным сынком тоже. Если, конечно, это имеет какое-то значение, потому что как можно судить о внешности человека по голосу? И все же перед мысленным взором Аманды промелькнуло видение. Замечательное, соблазнительное видение! Ей представился высокий блондин с голубыми, как у его матери, глазами. Наверное, он предпочитает ходить в дорогих костюмах. Итальянских, сшитых на заказ. Издалека видно, что он – отпрыск благородного семейства, в его жилах течет голубая кровь...

– Ваша мама сказала, что вы будете работать с Лекси – кстати, она моя подруга. Хотите, договоримся о встрече, и тогда обсудим, что вам может понадобиться?

– Определенно. Я только что говорил с Лекси. Могу заскочить к вам, если, конечно, вы позволите.

– Сейчас?

– Если можно. Или вам удобнее завтра?

Очевидно, миссис Хеннингс спешит. Аманда покосилась на злополучный бюст. Может быть, передышка в самом деле пойдет ей на пользу. Переключение на что-то новое всегда прочищает мозги. Правда, сейчас она одета не совсем подходяще для знакомства с новым клиентом. Рассчитывая на целый день работы, она стянула волосы в конский хвост, натянула самые мешковатые джинсы и футболку с надписью «Занимайтесь любовью, а не войной», которую ей в шутку подарила подруга...

– Мистер Хеннингс, буду очень рада. Но должна вас предупредить. Сегодня я работаю над скульптурой, а когда я ваяю, то одеваюсь соответственно. Я не рассчитывала на деловую встречу.

– Насчет этого не волнуйтесь. Я в джинсах. Кстати, меня зовут Дэвид. Моя мать настроена решительно, Аманда, а если вы хоть немножко знаете мою мать, поймете: если я скажу, что не встретился с вами, потому что вы одеты неподобающим образом, она с меня живого кожу сдерет.

– Хотите сказать, что вы боитесь матери?

– Я ее не боюсь. Я от нее просто в ужасе.

Впервые за день Аманда рассмеялась. От всей души, не сдерживаясь. Все доводы против встречи с ним исчезли после того, когда он упомянул о матери. Откровенно говоря, приятно поговорить со взрослым мужчиной, который умеет потакать матери. Не подчиняться ее власти, а именно пота-

кать. Аманде в прошлом везло на маменькиных сынков. Они не только боялись матерей, но и позволяли тем управлять своей жизнью. Аманда предпочитала с ними не связываться, поскольку не вписывалась в их жизнь.

Студия Аманды находилась в Вест-Сайде, в старом здании с высоким крыльцом. Дэвид окинул дом взглядом. Ему нравились старые особняки из портлендского камня и кирпича. При виде классических колонн он вспомнил о своей любви к истории, и ему захотелось навести справки об этом здании. Неплохо сходить в городской архив, выяснить, кто построил дом, кто в нем жил, какие компании вели свои дела в его стенах.

Он постучал в дверь – прочную, из массива дерева. Судя по всему, ее не меняли с самого начала. Любопытно, что скрывается за ней?

Дверь открылась, и на порог вышла рыжеволосая женщина с пышной фигурой, при виде которой у него сразу поднялось настроение. Тем более что на ней была футболка, призывающая заниматься любовью, а не войной, – он бы с радостью... Ее волосы цвета меда доходили до плеч и завивались на концах. Вся ее внешность наводила на мысль о неспешном воскресном утре, горячем кофе и супружеских изменах – как в постели, так и вне ее.

Было бы преуменьшением сказать, что она ему понравилась... А ведь она еще и рта не раскрыла! Дэвид мысленно

взмолился: только бы она не оказалась набитой душой!

– Дэвид?

Да. Тот же голос, что и по телефону. Негромкий, мягкий, пробуждающий те самые образы воскресного утра и кофе. Если повезет, горячим окажется не только кофе.

Ну ладно. Задание Пэм Хеннингс не должно сходить с рельсов из-за неуместных мыслей. Пора становиться серьезным.

– Здравствуйте... Аманда?

– Да. – Она протянула руку: – Аманда Леблан.

Пальцы у нее были длинными, изящными, но крепкими. Дэвиду не захотелось выпускать ее нежную ручку. Красивые руки. Мягкие руки. Ему-то казалось, что ладони скульптора должны быть загрубелыми и мозолистыми!

– Хм... – Аманда выразительно посмотрела на их сплетенные руки. – Верните мне, пожалуйста, руку.

Он широко улыбнулся, понимая, что это грандиозный провал, и с виноватым видом отшутился:

– Не поймите меня неправильно, но... где вы были всю мою жизнь?

Ее пухлые, красиво изогнутые губы дрогнули.

– Неплохо, – улыбнулась она. – Входите, и поговорим о том, что вам нужно.

Прямо к делу! Разумеется, только так и надо. Она его не знает, а он не только расстроил ее планы, но и налетел на нее.

Поднявшись в мансарду, Дэвид тихо присвистнул. Ско-

рее всего, здесь снесли все внутренние перегородки. Студия занимала половину этажа. Он оглядел открытый потолок, ослепительно-белые стены, мольберты и холсты в углу. Большой стол, заваленный инструментами и кистями, разделял помещение пополам; во второй половине на регулируемом постаменте стоял бюст.

Аманда закрыла за ними дверь.

– Наверное, полагается просить прощения за беспорядок, но поскольку моя студия выглядит так всегда, то не стану себя утруждать.

– Вы здесь работаете. Вряд ли здесь должен царить порядок.

– Поговорить можно здесь. – Она указала на круглый стол на четверых, стоящий у окна. – И давайте без церемоний.

– Отличное место. Столько света! А что-нибудь известно об этом здании? Прости, но у меня бзик на истории. В колледже я учился на историческом. Судя по колоннам на фасаде, дом построен в начале девятисотых...

– Ах вот оно что. Значит, ты такой же, как я. Хочешь верь, хочешь не верь, но сейчас я здесь единственный арендатор. Другие просто не замечают красоты дома. Если верить архивным записям, его построили в тысяча девятьсот восьмом. Не уверена, что домовладелец понимает, какой бриллиант ему достался. Когда я осматривала помещение, он признался, что хотел покрасить фасад.

Дэвид раскрыл рот, но не произнес ни звука.

– Знаю, – продолжала она, – надо было дать ему телефон компании, которая специализируется на мойке камня и реставрации архитектурных памятников, прежде чем он лишит здание его исторической ценности.

Аманда села у окна. Рядом с ней на столе лежали большой блокнот с отрывными страницами и карандаш. Дэвид скинул куртку, повесил на стул рядом со своим и сел напротив. Аманда Леблан – просто фантастика. Огромные карие глаза, нежный овал лица, роскошная фигура...

– Это у тебя «Белстаф»?

Неужели она разбирается в мотоциклах? По крайней мере, в байкерских куртках явно знает толк... Похоже, мамино поручение может оказаться не таким скучным.

– Да. Любишь мотоциклы?

– Мой отец любит. У тебя какой?

– «Дукати». «Диавел Карбон». – Дэвид улыбнулся. – Машина зверь, «дьявол» по-итальянски.

Она широко улыбнулась:

– А ты сам как? Тоже дьявол?

– Моя мама оценила бы твой юмор. Я же считаю себя скорее ботаником-историком, который питает слабость к крутым байкам.

Она хмыкнула.

– Ты совсем не такой, каким я тебя представляла.

Она его представляла? Неплохо, очень неплохо. Вселяет надежду...

– А кого ты ожидала увидеть?

– Парня, внешне похожего на твою мать. Высокого блондина в дорогом итальянском костюме. А увидела брюнета с итальянским мотоциклом.

– Знаешь, твоё описание почти на сто процентов соответствует моему брату... – Он пожал плечами. – Зато я высокий, как ты и думала.

– Уже что-то.

Аманда взяла карандаш, отбросила волосы за плечо, и пульс у Дэвида участился. Она настоящая красавица! Не в расхожем смысле слова. Она излучает здоровье и здравый смысл. Возможно, она и сама не понимает, насколько она хороша!

Она раскрыла блокнот.

– Итак, расскажи, что ты хочешь. Какие жанры тебя привлекают?

«Ню. И чтобы на картине была ты».

Дэвид вовремя опомнился. Если мама узнает, о чем он думает, она его кастрирует. Он откашлялся и постарался выгнать из головы неуместные мысли. Что ж, картину он так или иначе закажет, потому что не хочет напрасно тратить время рыжеволосой красотки.

– Сам не знаю. Я думал, может быть, мы все решим вместе с Лекси. Что-нибудь смелое, яркое. Не знаю. Выбор картин – не мое. В конце концов, Лекси – мой дизайнер по интерьерам.

– Надо отдать ей должное, в своем деле она настоящий мастер. Пожалуй, я посоветуюсь с ней. И покажу тебе несколько картин, которые, по-моему, подойдут. Если они тебе не понравятся, попробую нарисовать что-нибудь конкретно для тебя.

Если повезет, у него появится еще один предлог зайти к ней и, может быть, уговорить красотку Аманду Леблан поужинать с ним.

– Да, согласен. Кроме того, у меня еще одно дело... точнее, его предложила моя мать.

Аманда снова сдвинула брови. Ничего удивительного. Его мать славится тем, что тратит много денег на декор. Для нее как для художницы очень выгодно заполучить такую влиятельную клиентку.

– Что она хочет?

– Скульптуру.

– Как раз моя специальность. С кого скульптура?

«Ну вот, приехали».

– Мы не знаем.

Аманда рассмеялась:

– Что-то новенькое! Ну ладно. Попробую тебе подыграть. Как мне узнать, с кого надо лепить скульптуру?

Ладно. Очевидно, мать ничего ей не говорила – совсем ничего. Не поделилась с ней своим интересом к нераскрытым делам, которые обсуждались на вчерашнем благотворительном ужине. Выходит, матушка его подставила.

– Мать что-нибудь говорила о юридической фирме моего отца и ее частном детективном агентстве?

– Нет.

Ну, спасибо, мамочка, удружила! Отчасти из-за таких вот маминых штук он четыре года назад уехал в Бостон. От постоянных интриг Памелы Хеннингс и вечных ссор и стычек с Пенни у него плавилась мозги. Можно сказать, что он сбежал из дома. Проехал полстраны, лишь бы иметь возможность свободно дышать. «Добро пожаловать домой, малыш!»

– Мой отец – основатель фирмы «Хеннингс и Соломон».

– Дэвид, у нас в Чикаго всем известно, кто твой отец.

Ну да, конечно...

– Так вот. Осенью прошлого года мама убедила его поручить одному из частных детективов заняться одним делом, так сказать, на общественных началах. Помочь правоохранительным органам. Дело было старое, так называемый «висяк».

Аманда наклонилась вперед и взмахнула карандашом.

– Я читала об этом! Там участвовал, кажется, судебный исполнитель...

– Вот именно. Его мать убили, а дело так и не раскрыли. Частный детектив раскрыла дело с помощью сына жертвы.

– Да. Помню, я читала... Просто здорово.

Вот и хорошо. Ее осведомленность будет очень кстати, когда он коварно нападет на нее из засады и предложит сделать реконструкцию, на чем настаивает его мать.

– Потом мама узнала еще об одном деле. Наши детективы тоже способствовали его раскрытию.

– Твоя матушка, наверное, очень энергичная особа.

«Детка, ты и понятия не имеешь, как ты права!»

– Совершенно верно. И чутье у нее безошибочное, потому что фирме удалось раскрыть и второе убийство.

Аманда выпрямилась, по-прежнему держа наготове карандаш, но ее жесты и мимика – неподвижные плечи, поджатые губы – говорили о том, что она перешла от любопытства к обороне. В помещении как будто резко похолодало.

Вот оно! Ну, будь что будет. Вперед!

– Вчера за столом моя мать сидела недалеко от тебя. Она подслушала твой разговор с детективом. Тем, который нашел неопознанный череп.

Аманда положила карандаш на стол и отодвинула блокнот. Подняла руки и втянула щеки; взгляд у нее стал тяжелый, непримиримый, отчего она сразу превратилась из милого котенка, которого так и хотелось погладить, в женщину-амазонку, готовую к бою.

В самом деле, где она пропадала всю его жизнь?!

– Нет, – сухо ответила она.

– К сожалению, моя мать тебя засекала. Теперь тебе не вырваться.

– Ну почему же? Вчера я уже объяснила детективу, что не занимаюсь такими вещами. Мой опыт в области криминалистической реконструкции можно назвать очень ограничен-

ным, и это еще мягко сказано. Да, я в свое время собиралась прослушать соответствующий курс, но на практике никогда ничем подобным не занималась. Я просто не гожусь для такой работы.

– Откуда ты знаешь, что не годишься, раз никогда не занималась такой работой?

Аманда побарабанила пальцами по столешнице.

– Дэвид, мне очень жаль. Передай своей маме, что я ценю ее чуткость. И все же вынуждена отказаться. Продолжать разговор бессмысленно, мы тратим время впустую. Ну а картины для твоей новой квартиры я с радостью нарисую.

– Отлично! Но пожалуйста, послушай хоть немного про реконструкцию.

Аманда хмыкнула и растянула губы в невеселой улыбке. Дэвид невольно пожалел ее. Он-то знал, какими упорными бывают Хеннингсы.

– Поверь, – сказал он, – я целиком и полностью разделяю твои чувства!

– Ты тоже юрист, как твои родственники?

– Да.

– Так я и знала. Вот откуда характерная цепкость!

Дэвид понял, что пора попробовать другой подход. Ему не терпелось пригласить Аманду на ужин. Кроме того, хотя Аманда ни о чем не подозревает, ему очень нравится пикироваться с ней.

Он наклонился вперед и посмотрел на скульптуру во вто-

рой половине студии.

– Я смотрю на твоё творение и сразу понимаю, что ты талантлива.

– Спасибо. Комплимент засчитан!

Она скрестила руки на груди, глядя на него в упор и буквально прожигая в нём дыру. Дэвид невольно восхитился ею.

– Всегда пожалуйста. Итак, о чём идёт речь? Необходимо опознать труп неизвестной жертвы преступления. Она заслуживает достойных похорон. Возможно, её близкие до сих пор не знают, что с ней случилось.

– Дэвид...

– Даже если тебе кажется, что у тебя недостаточно опыта, кому будет хуже, если ты попробуешь? То есть... криминалистическая реконструкция – довольно специфическая отрасль, вряд ли в нашем городе много таких специалистов.

– Я только напрасно потрачу время – своё и всех остальных.

– Я тебе заплачу.

Она опустила голову.

– Ты заплатишь за то, что я попытаюсь воссоздать по черепу лицо, хотя вероятность успеха совсем небольшая?

Видимо, да. Кстати, последнее предложение вырвалось у него абсолютно спонтанно, его, можно сказать, понесло. Почему бы нет? Не жаль никаких денег, когда речь идёт о том, чтобы отделаться от мамы.

– Да. В самом худшем случае нашу жертву так никто и не

опознает. В лучшем случае твое творение поможет полиции выяснить, что случилось, а родственников избавит от ненужных сомнений и страданий. А ты получишь гонорар... Так что никто не останется в проигрыше. Ну, как тебе мой план? Я не вижу в нем недостатков!

Если ему так нужны недостатки, она сейчас укажет ему один из них. Такой огромный, что, если у нее ничего не выйдет, а дело вполне может закончиться неудачей, она на много лет окажется в творческой депрессии. Остро сознавая собственную уязвимость, Аманда предпочитала избегать ситуаций, касающихся чужого будущего. Она усвоила этот урок у теперь покойной матери.

Она набрала в грудь воздуха и вспомнила ясное весеннее утро десять лет назад, когда ее мать наглоталась таблеток. Аманда напомнила себе, хотя и так никогда о том не забывала, что испытала, дотронувшись до безжизненного маминого тела. До того дня она и не подозревала, насколько холодным может быть труп.

Сейчас тяжелые воспоминания помогали ей сосредоточиться. Она должна убедить одного необычайно настойчивого и цепкого красавца юриста в том, что и ей упряму не занимать.

Аманда приказала себе остыть. Остудить горящий мотор, потому что... в общем, не стоит напрасно тратить силы. Всю жизнь она питала слабость к мужчинам на мотоциклах...

Она села поудобнее, небрежно закинула ногу на ногу и пожалела, что на ней мешковатые джинсы.

– Дэвид, поверь мне, недостатков у твоего плана сколько угодно. Бывало, на основании фоторобота, сделанного по рисунку художника, подозреваемых отправляли за решетку. Я не хочу брать на себя такую ответственность. – Она обвела студию рукой. – Предпочитаю рисовать и лепить на радость моим клиентам.

Он кивнул, но, судя по всему, до капитуляции было еще далеко. Аманда поняла это по тому, как он смотрел на нее; в его ярко-голубых глазах мелькали веселые искорки. Он явно наслаждался их спором.

Благодаря своему росту и широким плечам Дэвид заполнил все поле ее зрения. Просто поразительно, что такой здоровяк родился у миниатюрной миссис Хеннингс! Фигурой он пошел явно в отца, любимца журналистов. На лоб ему упали пряди темных, почти черных волос, и он отбросил их назад, на секунду прижав длинными пальцами, словно требуя, чтобы волосы лежали ровно. Девчонка, скрытая в глубине души Аманды, не просто затрепетала. Внутри у нее все загорелось.

Ух ты!

Предмет ее нескромных мыслей жестом показал на бюст, над которым она трудилась все утро:

– Можно взглянуть?

– Конечно.

Он не спеша подошел к скульптуре, разглядывая ее, и Аманду словно обдало жаром. Он внимательно изучал ее творение, склоняя голову то к одному плечу, то к другому. Казалось, даже в такое время он излучал сексуальную энергию. Аманда залюбовалась его волевым подбородком. Лицо у него такое идеальное, что ей захотелось его вылепить.

И остудиться нечем: у нее нет вентилятора.

– Ну, что думаешь? – спросила она.

– Думаю, что твое произведение исключительно. Учти, я хвалю тебя не потому, что мне от тебя что-то нужно. – Он улыбнулся. – Никогда не перехожу определенных границ, в том числе не хвалю то, что этого не заслуживает. Впрочем, здесь...

– Нашел какие-нибудь недостатки?

– Рот. – Дэвид посмотрел на фотографию, стоявшую на мольберте. – Он еще не готов.

Удивительно!

– Все утро бьюсь с губами, – призналась Аманда. – Что-то не выходит.

Он оглянулся, улыбаясь от уха до уха, и внутри у Аманды все растаяло. Внутренние органы превратились в желе. К черту Микеланджело, теперь у Аманды Леблан есть свой Давид!

– У меня к тебе деловое предложение.

Она выдохнула воздух.

– Ты никак не угомонишься!

– Я юрист. Работа у меня такая.

– Хорошо. Так что за предложение?

– Я объясню, почему у тебя не получаются губы, если ты вместе со мной встретишься с тем детективом.

Не сводя с него взгляда, она подошла поближе. Почему он так самодовольно улыбается?!

– Ты можешь сказать, почему у меня не получаются губы?

– По-моему, да.

Она потратила не один час, стараясь понять, что не так, и вот теперь какой-то юрист уверяет, что он это знает!

– Что с тобой, Аманда? Язык проглотила?

Какой же он проныра! Игривый, правда, и все-таки. Она фыркнула:

– Ну ладно. Учти, ты сам предложил. А я молчала, потому... что меня изумляет твое гигантское самомнение.

– Ах, как грубо! – Он прижал к груди руку, но его выдало лицо; резкие черты смягчались, когда он улыбался. – Ты ранила меня в самое сердце.

Ну и ну! Аманда взяла со стола плоский деревянный шпатель.

– Хвастать все могут. Посмотрим, что там у тебя.

– Если я скажу, в чем дело, и ты со мной согласишься, ты поедешь со мной на встречу с детективом. Вот мое условие.

– Хорошо. Если все так и окажется, я поеду с тобой.

Аманда понимала, что, скорее всего, совершает глупость. И все ради того, чтобы доказать, что он не прав. Что-то под-

сказывало ей: если Дэвид настоит на своем, конца делу не будет видно.

Он улыбнулся, развернулся к бюсту и, не касаясь его, показал на правый угол рта:

– Дело не столько в губах, сколько в ямочке вот здесь – видишь?

Аманда ахнула. Не может быть! Она схватила снимок генерального директора и посмотрела на угол рта. Ну конечно! И как она не заметила?! Правда, ямочка такая маленькая, что ее запросто можно не заметить. Да, оказывается, дело не в самих губах.

О, она заслужила наказание. Она прекрасно понимала: даже самая крохотная неточность может погубить всю работу.

– Дэвид Хеннингс, не знаю, что с тобой делать – убить или поцеловать?

– Мое мнение учитывается? – Он вскинул руку вверх, как при голосовании.

Она тяжело вздохнула:

– Нет. Но... просто не верится, как я не заметила!

– Ты слишком пристально всматривалась. Такое случается иногда и со мной, когда я работаю над делом. Ищу прецеденты, и – бац – кто-то читает мои заметки и через пять минут растолковывает, в чем тут дело. Я обычно ужасно злюсь...

– И есть из-за чего!

– Итак...

Он вернулся к столу, за которым они сидели. С каждой секундой его улыбка делалась все шире. И все самодовольнее!

– Что мне сказать детективу? В какое время мы придем?

Детектив Ларри Маккол проводил Аманду и Дэвида в маленький конференц-зал в полицейском участке Северного округа Чикаго. Старое здание, в котором располагался участок, не обладало таким же шармом, как дом, в котором обитала она. Окинув взглядом унылые белые стены, Аманда подумала: небольшая перепланировка и несколько ведер краски – и посетителям не будет казаться, что стены давят на них. С другой стороны, полицейский участок и не должен выглядеть как зона отдыха.

Войдя, они увидели в углу фанерный стол, за которым могли разместиться шесть человек. Пять стульев – а где шестой? – стояли кое-как, два почти боком. Наверное, последнее совещание завершалось в спешке.

– Спасибо, – сказала Аманда, садясь на стул, предложенный ей детективом Макколом. Дэвид остался стоять, небрежно прислонившись к стене напротив.

– Вам спасибо, что пришли, – ответил Маккол.

– Детектив, прошу вас, не будем забегать вперед. Повторяю, я...

Маккол отмахнулся:

– Да-да, знаю. Вы не специалист по криминалистической реконструкции, зашли только взглянуть. Я все понимаю. И

тем не менее заранее благодарен вам за все, что вы сделаете.

Он положил на стол пыльную папку, а Аманду охватила паника. Что она делает?! Напрасно она согласилась сюда приехать. Много лет она убегала от соблазна такого рода работы. Много лет! И не без причины. Какой бы талантливой ни была ее мать, ее работа в правоохранительных органах стала концом сказки. Для Аманды. Для ее отца. И главное, для самой мамы.

Дэвид переступил с ноги на ногу, привлекая к себе ее внимание, и она посмотрела на него. Он склонил голову набок – он довольно часто так делал – и смотрел на нее в упор. Аманда изо всех сил старалась изобразить равнодушие, чтобы он ни о чем не догадался. Дэвид прищурился, и она поняла, что ей не удалось до конца провести его.

Перед ней лежала открытая папка. Аманда отвернулась от Дэвида, который явно пытался прочесть ее мысли, и посмотрела на рисунок. Перед ней был эскиз, попытка плоскостной реконструкции лица. Она увидела лицо большеглазой женщины с черными волосами до плеч, которые завивались на кончиках. Какая она молодая, совсем девчонка! На вид ей можно было дать лет девятнадцать – двадцать. Аманде показалось, что волосы изобразили неправильно. Ни одна девушка-подросток не станет носить такую прическу.

Хотя... какое ей-то дело?

Держа руки на коленях, Аманда наклонилась вперед. Эскиз был выполнен на бристоле, способном выдержать мно-

гократные стирания.

– Это с черепа сделали? – спросила она, обернувшись к Макколу.

– М-м-м... нет. – Детектив полистал папку и достал несколько фотографий черепа. – С них. А что?

– На фотографиях часто искажаются пропорции. Если сделать снимок при неправильном освещении, восприятие меняется.

Как получилось у нее самой с фото пожарного.

– Вы не шутите?

Аманда выпрямилась, по-прежнему не желая прикасаться к страницам. Ей казалось: дотронувшись до папки, она каким-то образом окажется связанной с делом.

– Такое часто случается. Откуда известно, что у... жертвы были длинные волосы? Их нашли рядом с черепом?

– Да. Несколько волосков. Мы поместили их в раздел «Вещественные доказательства».

Ладно. Что ж, хотя бы это правильно. Но, откровенно говоря, для большего сходства они должны были показать художнику череп, а не фото.

– Значит, никто не обратился к вам после того, как вы опубликовали эскиз?

– Ни один человек.

Дэвид наконец оттолкнулся от стены и поверх ее плеча посмотрел на фото. Его присутствие за спиной, когда он упорно нависал над ней, вызвало в ней смешанные чувства. Неволь-

но ей подумалось, что он способен справиться с чем угодно. Такой, как он, не привык сдаваться, что бы ни случилось. И дело не только в его внушительных размерах...

Не сводя взгляда с эскиза, Аманда кашлянула и продолжала:

– Значит, в то время никто не пропадал без вести?

– Пропадали, конечно, но о девушках ее возраста никто не заявлял. Примерный возраст установил антрополог. По его мнению, ей было двадцать с небольшим. Белая.

Аманда порылась в бумагах, нашла отчет антрополога и начала читать, то и дело бросая взгляды на снимки черепа.

Дэвид вернулся на прежнее место у стены; на сей раз он скрестил ноги в лодыжках, а руки сунул в карманы джинсов.

– Ну, что скажешь? – спросил он.

– Рисунок неплох. По крайней мере, насколько я могу судить. Меня беспокоит только одно: художнику не дали взглянуть на сам череп. Если бы работу поручили мне, я бы первым делом попросила взглянуть на оригинал. Возможно, фото делали при плохом освещении. И потом, я бы попросила определить толщину кости и заказала снимки черепа анфас и в профиль. Глядя на фото, трудно понять истинные пропорции и нарисовать точный эскиз.

Воодушевленный Маккол подскочил к ней:

– А если я дам вам череп? Я уже рассказал о вас начальству. Они готовы пойти навстречу и помочь всем, чем нужно.

Нет-нет. Она сложила бумаги и фотографии черепа, что-

бы не нужно было больше на них смотреть. И не чувствовать безмолвный зов убитой женщины, которая просит о справедливости.

Она прикусила губу и задумалась. Как она ни пыталась отогнать образ молодой женщины, он не выходил у нее из головы.

– Аманда...

Голос Дэвида. Он по-прежнему стоял, прислонившись к стене, снова изучал ее, старался прочитать, что у нее на уме. Юрист до мозга костей. Будь он проклят за то, что притащил ее сюда. И будь проклята она сама, что позволила ему так поступить с собой. И за то, что по-дурацки поспорила с ним.

Она подтолкнула папку к детективу Макколу.

– Если я увижу череп, то попробую нарисовать еще один эскиз, и вы сравните его с тем, что сделал мой предшественник. Возможно, рисунок с оригинала окажется немного другим. Вот и все, что я смогу сделать, детектив.

Маккол склонил голову и улыбнулся так, словно выиграл в лотерею:

– Не проблема! Я позвоню в лабораторию, предупрежу, что вы зайдете. Пригодится все, что вам удастся сделать. Правда... как вы, наверное, догадываетесь, заплатить мы вам не сможем.

Она оглянулась на Дэвида и широко улыбнулась, стараясь изобразить его же высокомерие:

– Детектив, сегодня вам крупно повезло, потому что го-

норар мне заплатит мистер Хеннингс. Так что, как только вы договоритесь, чтобы мне показали череп, я приступлю к работе. Будем надеяться, мы выясним, кем была покойница.

Желая как можно скорее покончить с делом, Аманда согласилась сразу же отправиться в экспертно-криминалистическую лабораторию. Поскольку Маккол занимался другими делами, Дэвид вызвался свозить ее домой за необходимыми инструментами.

Она и сама была готова съездить в лабораторию, но Дэвид объявил, что считает своим долгом отвезти ее туда, а потом обратно, когда она сделает дело, ведь Аманда сильно нервничала.

Ну вот, приехали. Судебный антрополог Пол – фамилию она не расслышала из-за звона в ушах – из окружной экспертно-криминалистической лаборатории поставил на пробковую подставку череп с пустыми глазницами, которые смотрели прямо на нее. Аманда стиснула кулаки так, что побелели костяшки пальцев, и приказала себе думать о деле, а не о своих нервах.

Скучные бежевые стены и ослепительно-яркие лампы над головой подчеркивали стерильность обстановки. Аманда невольно вздрогнула.

Она заставила себя смотреть на руки в перчатках, которые размещали череп внутри кольцеобразной подставки. Пол чуть наклонил его, чтобы череп стоял прочно. Его паль-

цы двигались осторожно, даже как-то почтительно. Жертва, от которой уцелел только стоящий перед ними череп, когда-то была живой...

«Вернуть ей имя»... Справится ли Аманда с такой задачей? Пока сложно сказать. Пока она будет художницей, которая изучает натуру, сохраняя эмоциональную дистанцию, но сделает все возможное, чтобы воссоздать лицо, которое поможет опознать жертву.

Аманда сжала карандаш, но поспешила ослабить хватку, сообразив, что сейчас переломит его пополам.

– Расскажите о ней что-нибудь.

– Череп относительно сохранный, учитывая воздействие сил природы. Судя по зубам и форме головы, мы решили, что ей было около двадцати с небольшим лет. Точнее, от семнадцати до двадцати двух. Мы сделали слепок черепа на случай реконструкции, но он пока не понадобился... Нам не хватает финансирования.

– Значит, слепок все-таки есть?

Аманда закрыла глаза, подумала о матери и досадливо усмехнулась. Как похоже на маму – подбросить ей такую работу, да еще торопить, потому что... ну да, в полиции изготовили слепок, и она может его получить. Чтобы по крайней мере попробовать воссоздать лицо жертвы. «Вот спасибо, мамочка!»

– Да, – сказал Пол. – Он здесь и ждет, пока кто-то ею займется.

Аманда снова посмотрела на череп, стоящий на столе. Детектив Маккол говорил, что, по мнению антрополога, жертвой была белая женщина. Плоское лицо и длинные, тонкие ноздри как будто соответствовали его выводам.

– Европеоид, – сказала она.

– Да. – Пол показал на затылочную часть черепа. – Что касается характера повреждений, здесь имеется небольшое углубление. Похоже, смерть наступила от сильного удара каким-то небольшим орудием. Судя по очертаниям повреждения, возможно, орудием был молоток. От удара она получила перелом основания черепа.

– Бедняжка.

– Ее зарыли кое-как, неглубоко. Вот почему пес выкопал череп. Остальные кости мы так и не нашли. Возможно, до них добрались дикие звери и утащили в другое место. Пустырь слишком большой; ради нее никто не станет перекапывать его. – Он вытянул руку. – Это все, что у нас есть.

– Хорошо, я попробую сделать еще один эскиз. Его можно будет сравнить с предыдущим... Я принесла все, что нужно. – Она показала на свой карандаш. – Можно мне поработать здесь?

– Да, конечно. Позовите меня, если вам что-нибудь понадобится.

– Обязательно. Спасибо.

Пол работал за столом с огромным микроскопом в другом конце зала. Судя по обилию препаратов на полках и на свер-

кающих столах, работы у него хватало.

Аманда достала из сумочки айпод, надела наушники и принялась выбирать подходящую музыку. Она точно знала, что требуется для такой работы: попурри из классики. Найдя нужный плей-лист, очень кстати названный «Отчаяние», она включила воспроизведение и приступила к работе.

Из портфеля она достала кальку, карандаши и таблицу подбора толщины тканей для европеоидов. В папке, принесенной Полом, она нашла снимки черепа в натуральную величину анфас и в профиль. Она поставила их на мольберт и закрепила уголки клейкой лентой. Наложила лист кальки на фото анфас и начала обводить лицо под звуки Ноктюрна № 2 Шопена.

Слушая одну мелодию за другой, она тщательно обводила, стирала и исправляла. Работала не спеша, проверяя каждую деталь. Наконец пришлось позвать Пола: он помог ей с маркерами толщины ткани. Полученные данные пригодятся позже, когда она приступит к скульптурной реконструкции лица, добавит контуры челюсти, щек, а затем надбровные дуги и линию роста волос. Более мелкие детали можно проработать потом. Пока же ей необходимо сделать эскиз. Каждый штрих, каждая деталь словно оживляли лицо неизвестной девушки.

Волосы... Детектив Маккол сказал, что они нашли рядом с черепом несколько длинных черных волос. Аманда не знала точной длины и решила предварительно довести их до

плеч. Уточнив длину на основе волос, обнаруженных рядом с черепом, она добавит образцы микрорельефа, морщины и небольшие дефекты – а затем поиграет со светом и тенью.

Услышав музыку Бетховена, Аманда удивилась. Неужели музыка играет больше двух часов? А ей еще нужно воспроизвести форму бровей и носа. Она оглянулась. Пол увлеченно работал за столом в углу; он явно забыл о том, что близится конец рабочего дня.

Аманда откинулась на спинку стула и расправила плечи. На листе бумаги было запечатлено лицо красивой молодой женщины с высокими скулами и небольшим носиком-пуговкой.

А еще у нее пробит затылок...

Преодолевая тошноту, Аманда закрыла глаза, заставляя себя отвлечься. Нельзя принимать работу слишком близко к сердцу. Ее мать, регулярно выполнявшая подобные поручения, ощущала тоску и надрыв. Аманда же наивно предполагала, что к любой работе рано или поздно можно привыкнуть.

Она открыла глаза. Родные и близкие жертвы пока не знают, какая судьба ее постигла. Аманда невольно вспомнила первые ужасные дни без мамы, шок, гнев и страшную боль, которые принесла с собой трагическая потеря.

До последнего дня она так и не поняла до конца – как, возможно, никогда не поймет, – почему мама решила, что для нее единственным выходом станет самоубийство. Очевидно,

ее психическое состояние было таким тяжелым, что она просто не сумела с ним справиться. Конечно, ее состоянию способствовало и то, что мама работала художницей-криминалистом. И все же Аманде трудно было понять, как мама решилась на такой ужасный шаг.

У нее есть преимущество по сравнению с родными неизвестной девушки, чью внешность она восстанавливает. У нее хотя бы есть место, куда можно пойти. Поговорить с мамой, поплакать, погоревать.

Нормальная могила.

Она погладила свой эскиз кончиками пальцев. Родные жертвы не знают, что с ней. Может, догадываются, что ее нет в живых, а может, ни о чем не подозревают и в глубине души надеются, что она еще вернется к ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.